

Наталья Олейникова

Поверь в свою счастливую звезду

Наталья Витальевна Олейникова

Поверь в свою счастливую звезду

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26549487

Аннотация

Жизнь испытывает героиню на прочность: переезд в другую страну, развод с мужем, непонимание детей, отсутствие собственного жилья. Но оптимизм, воля к победе и чувство юмора помогают ей не сдаваться. Все будет хорошо. Надо только поверить в свою счастливую звезду!

Посвящается моей маме

Глава 1. Ташкент – город хлебный.

Я еду в битком набитом троллейбусе по улице Навои. За окном проплывают фонтаны, магазины торгового центра, гуляющие по улицам люди. Но меня не волнуют красоты вечернего Ташкента. Мне не дают покоя мрачные мысли. Научно-исследовательскую лабораторию, в которой я проработала все восемь лет после окончания института с красным дипломом, совсем лишили финансирования. Наука никому не нужна. На календаре 1992 год. Сегодня шеф собрал нас и объявил о том, что мы все находимся в отпуске без содержания, и все, кто нуждаются в деньгах, могут отправляться в «свободный полет». Если бы он указал еще направление этого полета....

Дома у меня двое сыновей, одному пять, другому восемь лет. Муж тоже имеется в наличии, но его «свободный полет» каждый раз кончается катастрофой. Чего он только не перепробовал: и возить товары из Москвы, и открывать частный автосервис, и строительную фирму. В результате его финансовых операций мы продали все мое золото, гараж и сейчас продаем машину. А тут еще я так некстати остаюсь без работы. На свою зарплату я хоть как-то умудрилась кормить свое семейство.

Дома меня встречал радостный муж:

–

Ура, на машину нашелся покупатель! Такой лопух, даже не торговался! Правда, денег у него немного не хватило до нужной суммы, но он мне вместо денег новую вязальную машинку отдал, прямо в упаковке. Ничего, продам кому-нибудь!

И он, оживленно потирая руки, пошел к соседу играть в шахматы. А я отправилась на кухню разгребать посудные завалы и готовить ужин.

Про потерю работы я рассказала ему за ужином, когда дети, доев жареную картошку, побежали к телевизору смотреть мультик.

–

Вот здорово, будешь дома сидеть, за детьми смотреть, мне вовремя обеда готовить и внимание уделять.

–

А жить мы на что будем, Васенька? – вздохнула я.

–

Ну, родственников своих попроси, чтобы помогли. У тебя брат крутой, богатый. А то спихнули тебя замуж, и не чешутся там.

–

При чем тут брат, когда у меня муж есть....

Тема выяснения отношений набирала обороты. Высказав все, что он думает обо мне и всех моих родственниках, Василий хлопнул дверью и пошел обсуждать с соседями небла-

годарных и непонимающих жен.

Я, давясь слезами, пошла укладывать спать детей. Дети же, как назло, никак не хотели ложиться, и приставали ко мне с разными вопросами.

– Мама, а что это в коробке? – спросил Владик, младший сын.

–

Это машинка вязальная, – важно сказал Егор, старший. Он уже ходил во второй класс и поэтому прочитал надпись на коробке.

–

А ты, мама будешь вязать на ней, да? – не унимался малыш. А что ты вязать будешь?

Мне очень хотелось поскорее уложить детей и остаться наедине со своими мыслями. Как получилось, что муж так переменялся, и чем дальше, тем становится все хуже? Ведь когда-то я любила его, никто же меня насильно замуж не выдавал! Видела я и многочисленные недостатки, но, будучи наивной двадцатилетней девочкой, надеялась перевоспитать, переделать его. Как же я была наивна! Ссоры, сцены ревности, непонимание – как все это медленно, но верно разрушает отношения! И остается в душе какая-то пустота и усталость. Стучит молоточками в виски вопрос: «Что делать? Как и на что жить?». А поддержки, даже моральной – нет.

Не зря говорят, что устами младенца глаголет истина. На следующий день я посмотрела на вязальную машинку в ко-

робке, и вспомнила слова Владика. «Чего ты свяжешь, мама», – сказал мой серьезный не по годам, худенький малыш. Мама вязальную машинку никогда в глаза не видела и рукоделием не интересовалась. Утром, отведя Владика в садик, а Егорку в школу, я взялась за изучение вязальной машинки. Пряжа рвалась и не хотела ложиться ровно, несколько металлических крючков погнулись от моих чрезмерных стараний, но к концу дня я даже смогла связать кусочек полотна 10 сантиметров шириной. Правда, звук при вязании получался такой, как будто водят рубанком: шир-шир, шир-шир. Прибежал возмущенный муж: мое ширканье действует ему на нервы и мешает смотреть фильм. Чтобы не скандалить с ним, я ставлю стол на лоджии, и устраиваю себе рабочее место там. Вытаскиваю на лоджию магнитофон, включаю кассету с любимыми «Битлами», и постепенно успокаиваюсь.

Очень скоро я поняла, что большие вещи трудно вязать и покупателей на них найти тоже нелегко. В Ташкенте большим спросом пользуются детские вещи. Есть такой обычай, что когда ребенок рождается, родственники должны купить ему все сразу: кроватку, пеленки и одежду, обувь, и разные костюмчики до пятилетнего возраста. И я начинаю осваивать детские костюмчики. Начинаю комбинировать нитки разных цветов, вышивать мальчикам на свитерах кораблики, а девочкам цветочки и ленточки. Сначала я это делаю для того, чтобы скрыть дефекты вязания: спущенную петлю, неаккуратный узелок. Потом вижу, что получается оригинально.

Первый мой выход на рынок закончился полным провалом. Люди подходили изредка, спрашивали цену, и уходили молча. Я терялась в догадках. Может, цена слишком высокая? Может, плохо связано?

Расстроенная пришла домой. Муж встретил меня с кислой физиономией. Макароны у него подгорели, дети отказывались их есть, и он заявил мне, что не собирается больше тратить свой выходной день на возню с детьми из-за моих каких-то глупостей. Тем более денег не наторговала, и вообще вся идея более чем дурацкая.

Что же делать? Бросить эту затею и заняться чем-то другим? Но чем? И в пряжу вложены деньги хоть не такие большие, но все же, куда ее теперь девать? Тут позвонила мама, узнать, как закончился мой поход. Мы стали вместе анализировать, что я сделала не так, и решили, что моя главная ошибка – это неправильно выбранный клиент. Дело в том, что продавать свой товар я отправилась на центральный рынок, а здесь публика городская – более разборчивая и современная. А мои покупатели – небогатые жители кишлаков, приехавшие продать свои дары полей, а заодно купить что-то в городе. Решили в следующий раз пойти вместе в Старый город и там попробовать продать детские костюмчики, и причем, в будний день, чтобы детей не было дома, и «вождь» наш не «гавкал» лишний раз.

Так мама отчасти успокоила меня и я села вязать дальше. Видимо, путь к вершинам успеха ни у кого не бывает глад-

ким.

Старый город – это старая часть Ташкента, отсюда когда-то город начинал строиться. Здесь старые глинобитные дома соседствуют с современными высотными зданиями, но все равно кажется, что попадаешь в прошлое. Узкие улочки, глинобитные глухие заборы, старые раскидистые деревья и мечети.

Базар в старом городе очень большой. Здесь, возле четырехэтажного здания «Детского мира» идет бойкая торговля: трусики, костюмчики, детские кроватки. Многоголосая толпа шумит на разных языках. Для рекламы я держу костюмчики на весу на плечиках. Остальные в сумке у мамы, стоящей рядом.

Ко мне подходят две молодые женщины, и спрашивают по-узбекски, сколько стоит. Я бойко отвечаю, потому что названия числительных по-узбекски знаю достаточно хорошо. Они начинают торговаться. Не потому что я дорого прошу, просто здесь так принято. Но это хороший признак, значит, интерес к покупке есть. И действительно, они покупают сразу два костюмчика. Ура! Начало положено! По местной традиции, я обмахиваю денежными купюрами остальные костюмчики.

Через три часа мы все распродали. Радостная, я покупаю продукты для дома. Можно приготовить что-нибудь вкусненькое, а то одни макароны да картошка....

Я стала придерживаться такого режима работы: неделю

вяжу, один день хожу на рынок продавать. Изделия мои раскупались, и однажды хозяин ближайшего ларька подошел и предложил купить у меня все оптом. Я согласилась, и стала каждую неделю привозить ему товар на оптовую продажу.

У меня появился мощный стимул вязать, появилось немного денег на неотложные нужды, появилось свое дело, в которое я вкладывала свою смекалку и фантазию.

Казалось, что уже виден свет в конце тоннеля. Но это продолжалось недолго. Мы собрались переезжать в Россию.

Глава 2. Кубанские мотивы.

И вот мы переехали в Россию, и живем в районном центре с 50–тысячным населением, который тридцать лет назад был еще станицей. Когда-то у мужа здесь жили родственники, он бывал здесь в детстве на каникулах.

Первое впечатление: просто кошмар, здесь жить невозможно. Дом, в котором мы поселились, имеет печное отопление. Туалет на улице, вода в колодце во дворе. Газ баллонный. Я не знала, что в конце двадцатого века можно так жить, только в книжках читала. Я никогда не думала, что такое дело, как простое мытье посуды, может занимать столько времени и сил. Принести из колодца воду, нагреть ее на плите, налить в тазик и помыть посуду, вылить воду, налить чистую, прополоскать в ней посуду. А прибавьте к этому стирку, приготовление еды, купание детей. . . . Нет, можно просто свихнуться. Мне казалось, были бы у меня крылья, я бы по-

летела обратно в Ташкент, в свою четырех комнатную квартиру со всеми удобствами. Но назад дороги не было.

Когда-то, в советские времена, этот городок, по словам местных жителей, был настоящей дырой. Хаты с глиняными полами и соломенными крышами, пустые магазины и пара-тройка еле живых колхозов. За каждой мелочью приходилось ездить в Краснодар, даже за молоком вставляли в очередь в 4 утра (это в аграрном-то регионе). Многие уезжали на заработки на Север, и оставались там до самой пенсии, кто-то пытался зацепиться в Краснодаре. Образовательный уровень населения тоже был не высоким: человек, закончивший техникум, считался чуть ли не академиком. Но все изменилось после распада Союза. В Краснодарский край повалили беженцы из южных республик бывшего СССР. Переселенцы из Душанбе, Бишкека, Баку, Ташкента, Грозного – люди в большинстве своем с высшим образованием, сразу потеснили местных специалистов на рынке труда, на котором и без них было тесновато. Но и местные не сдавались просто так. На их стороне были многочисленные связи и могущественные родственники. Так возникла затяжная многолетняя конкуренция между «беженцами» и местными уроженцами.

В свете новых веяний культуры мой муж затеял «великий» проект по украшению нашего городка изделиями из лепки. Для этого он купил 10 тонн гипса (полный сарай), формы для отливки привез с собой, и двух рабочих, которые призваны были творить лепные шедевры, тоже выписал

из Ташкента, пообещав им высокие заработки. Среди местного населения не нашлось никого, достойного столь высокого предназначения. А поскольку великие дела намечались лишь в перспективе, то денег на съём квартиры им не было, и они поселились у нас.

Мой быт стал еще более тяжелым: к нашей ораве добавилось еще двое взрослых мужиков. Заказов лепных пока не предвиделось, рабочие на всякий случай, впрок изготавливали разные лепные изделия, но продать их нигде не могли.

Типичная картина: я стираю белье в корыте, дети – один в школе, другой учит уроки, рабочие заливают формы гипсом, а мой муж бегает по двору, и из воздушки стреляет по воробьям. При этом он постоянно отвлекает то рабочих, то меня криками: «Попал! Ах, блин, промазал! Натусечка, мусепусечка, смотри скорее, как я метко прицелился!»

Я пыталась выносить на рынок свои детские костюмчики, но только простояла напрасно на пронизывающем ветру: никто на них даже не смотрел: детей здесь много не имеют, могут купить для них все самое лучшее и дорогое. Положение становилось угрожающим, я порой готовила обед из того, что дадут сердобольные соседи.

Надо было собирать в школу детей, Владька шел в этом году в первый класс, надо было с ним заниматься и читать, а у меня не было ни времени, ни сил, ни денег. Прямо возле соседнего дома строился коммерческий киоск, и хозяин его предложил мне работать там – вроде и к дому близко, и дети

на виду. Я согласилась, только с условием выставить в этом ларьке мои вязаные костюмчики и лепные изделия.

И началось. Я работала в ларьке с 9 утра до 4ч. дня, а моя соседка – с 4 до 10 вечера. И так каждый день, без единого выходного. Владька делал уроки у меня в подсобке: писал на холодильнике, мычал невразумительно над букварем, потом его сменял Егорка. Толпой шли покупатели, в то время ларьков было очень мало. Я отвлекалась, боялась обсчитаться, ошибиться, сделать что-то не так. А дома ждала меня толпа народу и мой неустроенный быт.

Наступили холода. Мой металлический киоск промерзал насквозь и напоминал большой холодильник. Я выходила на работу в валенках, в трех штанах и двух куртках, и под ноги себе ставила электрокамин, но все равно пальцы на руках с трудом гнулись от холода, замерзала даже паста в шариковой ручке.

Мы узнали, что дрова и уголь для печки надо было покупать летом. Это большой дефицит и очень недешевое удовольствие. Лепщикам нашелся объект, где надо было оформить потолок лепной плиткой, и они начали делать его. Но у них постоянно случались простои в работе: то не было цемента, то песка, то желания работать. Вася не следил совсем за их деятельностью, поэтому об их проблемах мы узнавали от посторонних людей.

Мои нервы были на последнем пределе. Я перестала улыбаться, взгляд стал затравленным. Тут приехала в гости моя

мама, здорово помогла мне в решении бытовых проблем, и сказала решительно:

—

Уходи из ларька. Иначе ты через месяц будешь в психбольнице.

Я ушла из ларька. По уши погрязла в детских уроках. Владьке науки давались нелегко, на него требовалось особенно много терпения и времени.

Муж жил своей жизнью: фильмы, детективы, обязательный дневной сон. Дела в его строительной фирме шли все хуже: плитка, сделанная нашими умельцами, падала с потолка, заказчики ругались и отказывались перечислять деньги, налоговая требовала свое. Сказывалась и его некомпетентность, и лень и нежелание заниматься делами. Причем, когда я пыталась что-то сказать, то слышала неизменно одну и ту же фразу:

—

На Востоке говорят: послушай женщину, и сделай наоборот.

Только тогда, когда у фирмы арестовали счет, и следующим шагом был арест нашего имущества, он послушался меня и продал строительную фирму. После раздачи долгов у нас остался только полный сарай гипса. Обиженные строители уехали домой, еле-еле собрав денег на билет. Правда, обижены они были на Васю, а мне долго целовали руки, и говорили, что я похожа на Наташу Ростову и они меня ни-

когда не забудут.

И вот мы опять на мели. Я пошла в центр занятости искать хоть какую-нибудь работу. На дворе 1994 год, все предприятия стоят. А те, которые работают, не платят своим работникам по пол-года. Или платят зарплату халатами, мукой, сумками, ремешками для часов. Расцвет эпохи бартера.

Работу мне не предложили, но поставили на учет по безработице и назначили пособие. Только я обрадовалась, что будет время побольше заниматься с Владиком, как через 10 дней я получила работу в самом центре занятости. Муж так психовал из-за этого, что два дня куда-то специально уходил мне назло, и мне приходилось просить то одну соседку, то другую, встречать из школы младшего сына. Старший учился во вторую смену. Позже я стала каждый обед приходить домой – одного встречать, другого провожать. Весь обеденный перерыв у меня проходил в пути, но зато душа была спокойна.

На работе меня ценили, я получала зарплату деньгами, а не валенками и фуфайками, но все-таки для семьи из четверых человек этого не хватало.

Муж мой работать не спешил, да его куда и не брали, потому что главным его достоинством были непомерные амбиции при отсутствии каких-либо умений и образования. Хотя в былые времена я делала все от меня зависящее, чтобы муж закончил институт. Как только мы поженились, его мама стала непрерывно кидать прозрачные намеки о его за-

губленной молодой жизни, о том, что он должен работать, вместо того, чтобы учиться (несмотря на то, что первые два года после окончания школы об институте никто не заикался). Когда эти намеки мне надоели, я взяла его и свои документы, и отнесла их в приемную комиссию автодорожного института, который находился рядом с нашим ташкентским домом, и пошла сдавать вступительные экзамены с ним вместе. Егорке было в то время 4 месяца, на время сдачи экзаменов с ним сидела моя бабушка, ни о какой подготовке не было и речи, но я очень уверенно вылезала на старых знаниях. Вася никакой подготовкой себя вообще не утруждал, и без меня не пошел бы даже на экзамены. Я же, придя на экзамен, решала сначала его задание, ему оставалось только переписать. Из-за того, что бумага на экзамене была вся проштампована, и за присутствием посторонних листков экзаменаторы строго следили, я писала решения на носовом платке. В случае опасности можно было этот платочек скомкать и вытереть пот со лба, благо в Ташкенте в середине лета это не казалось странным. Когда я решала свое задание, то специально делала ошибки, чтобы не получить 5, тогда бы меня зачислили без остальных экзаменов, а это не входило в мои планы. Когда нас обоих приняли в институт, я не пришла на первую сессию, и меня отчислили. Все контрольные я решала за мужа, даже сама носила их сдавать, ему нужно было только появиться в институте во время сессии, за это он «автоматом» получал тройки. Так «доучился» он до четвертого

курса, когда грянула перестройка, и настала эпоха кооперации. В этот момент Василий решил, что диплом ему теперь не нужен: настали новые времена и новая жизнь. Времена настали действительно новые, потому что через несколько лет, когда его «припекло» и он хотел бы восстановиться, за учебу надо было платить немалые деньги, которых у него, разумеется, не было. Так и пропали зря мои старания, когда я, имея двоих маленьких детей, сидела над книгами и его курсовыми, отрывая это время от своего сна или отдыха. А может, и не пропали: я сама стала умнее и узнала много нового. Будем считать, что этот жизненный урок мне зачем-то был задан школой судьбы. По крайней мере, не так обидно...

Но светлый миг в моей жизни все-таки настал! Я поехала с детьми в отпуск в Ташкент. В финансировании поездки помогли мне мама и брат. Встречалась с соседями, друзьями и одноклассниками, побывала на старой работе, все были рады мне. Какое счастье снова пройти по улицам моего детства! Мы с мамой и с детьми ходили в шашлычную, сидели за столиком в тени раскидистых деревьев, от души наелись мягкого, хорошо прожаренного шашлыка, щедро сдобренного специями, с горячей, только из тандыра лепешкой. На душе становилось легче, все неприятности казались далекими и нереальными, как дурной сон.

Родной город лечил мои душевные раны, а мои родные решали проблемы материальные. В течение всего отпуска можно было не думать, чем кормить детей, во что их оде-

вать. С детьми мы ходили в Ташкентский аквапарк, построенный уже после нашего отъезда, и получили огромное удовольствие. Там были и водяные горки, и бассейн с волнами, и спиральный спуск. Мы здорово накупались и отдохнули.

Мой брат занимался в Ташкенте изготовлением и продажей свадебных платьев. У них с женой был целый пошивочный цех: одни шили юбки, другие лифы, третьи расшивали все это бисером, четвертые собирали из деталей готовое платье. А потом его жена продавала эти платья в салоны проката, под видом привозных иностранных.

На семейном совете, обдумывая мою нелегкую судьбу, родные решили дать мне с собой в Россию несколько свадебных платьев, чтобы открыть прокат. Поскольку денег на аренду помещения не было, то решено было выделить для этого одну комнату у нас дома. Но это мы так хотим, а неизвестно еще, что скажет по этому поводу мой муж.

Дом наш был, мало того, что безо всяких удобств, но еще и очень странной архитектуры. Все комнаты были смежные, переходящие из одной в другую, и не было ни одной двери. Зачем тогда уж было городить три комнаты, построили бы лучше одну большую, эффект тот же. Поэтому, получив милостивое разрешение главы семейства занять самую маленькую комнату под прокат (ту, в которой до этого спали дети), надо было привести ее в порядок и поставить дверь. Ведь люди, приходя за платьями, обратят внимание и на облезлую побелку, и на старый плафон, а при отсутствии двери туда

может запросто зайти кошка и улечься спать среди платьев. Мне помогала моя подруга и соседка Оля.

Моя подруга Оля – это моя «жилетка», и советчик, и помощник, единственный человек, которому я могу полностью довериться. Она живет на соседней улице, через три дома от меня. В нашем городке Оля тоже живет недавно, (но немного дольше, чем я), приехала с мужем и маленькой дочкой, из Грузинского города Поти (распад Союза согнал с насиженных мест миллионы людей). Муж ее устроился на работу, встал в очередь на квартиру (ее дом был гораздо хуже моего – от старости вот-вот рухнет), а она сидела дома с ребенком до трех лет. Но с мужем ее случилось несчастье: его убили в собственном дворе четверо наркоманов. Хотели угнать машину, а он им пытался помешать. Оля была просто убита горем и осталась в незнакомом городе без родных, без работы, с маленьким ребенком на руках, и в аварийном доме. Ей даже жить не хотелось сначала, но маленькой Наташке была нужна мама, ребенок теребил ее, требовал внимания и заботы, и постепенно Оля стала возвращаться к жизни. Из квартирной очереди ее моментально выкинули, под каким-то не очень благовидным предлогом, она устроилась на первую попавшуюся работу, маленькая Наташка пошла в садик.

Я не могу передать, каким добрым и отзывчивым человеком была Олечка! И она тоже страдала от отсутствия близкой подруги. Нас сразу сблизила необходимость приспособливаться к новым условиям, к неторопливому течению жиз-

ни в нашем наполовину сельском городке, к идущему из далекого прошлого настороженному отношению местных жителей к чужакам. Так что сказать, что мы с ней нашли друг друга, будет как раз в точку. Я нуждалась в ней не меньше, чем она во мне. Моего Васю это просто доводило до бешенства. Я спасалась у нее во время бурных семейных скандалов, мой Владик дружил с ее Наташкой, и наши дети постоянно играли то у них, то у нас.

И вот мой свадебный салон готов, теперь проблема привлечь клиентов.

Вместо манекенов мы купили швабры и укрепили их на деревянных крестовинах как новогодние елки. А на швабры надевали платья, и к ним изнутри прицепляли булавками обручи. Все платья так поставить не хватало места, но мы поставили шесть самых хороших, а остальные развесили вдоль стенки. Наш энтузиазм подействовал даже на Васю: он из алюминиевого рукомошника выпилил два кольца и закрепил на подставке, а потом покрыл золотистой фольгой – получились кольца на свадебную машину

Мы с Олей ходили по городу, и на каждом столбе расклеивали объявления, и ждали с нетерпением. Людей пока нет, хотя стоит июль, а с июля по ноябрь на Кубани самое свадебное время.

Как-то, прибежав с работы из центра занятости на обед, я застала возле нашей калитки двух женщин, которые чего-то ждали. Оказывается, они пришли посмотреть свадеб-

ные платья, стали звонить в калитку, а мой муж обругал их и не пустил. Я прошла в дом, заглянула в комнату – он спит, позвала женщин зайти посмотреть платья. Они посмотрели, им понравилось, пообещали вечером прийти с невестой.

Придя с работы, я говорю мужу:

– Что ж ты не пустил женщин платья посмотреть, ты же дома был, что не мог их провести показать?

– Я только уснул, они мне спать мешали. Я сказал, что сейчас хозяйка придет, она вам и покажет.

– Ну а если бы они ждать не захотели? Мы бы клиентов потеряли, а их у нас и так еще нету.

– Тебе бы все только деньги, деньги подавай. Больше ничего тебе не надо.

– Ну а что ж ты у меня на сигареты просишь деньги каждый день и спрашиваешь, что бы пожрать? Не проси у меня, если ты такой умный и деньги тебе не нужны.

– Ах, ты меня куском хлеба попрекаешь! Тебе для меня жалко! Где деньги от твоего проката? Только одни неудобства, ходят тут всякие, и спать не дают!

Не стоило и тратить время на беседы с ним. Это был разговор глухого с немым.

Вечером действительно ко мне пришла целая делегация: невеста, ее подруга, мама и еще какая-то женщина. Они долго мерили платья, советовались друг с другом, и, наконец, оставили задаток и запасались на следующую субботу. Объяснила им, что надо приехать накануне за платьем, я его от-

глажу и приготовлю к свадьбе.

Итак, первый успех! В руках у меня задаток, дети тут же выпросили по мороженому, Василий пришел, как ни в чем не бывало, попросил на сигареты. В доме воцарился относительный покой. Если он не изводит меня придирадками, притих возле телевизора или на рыбалку пошел – уже счастье. Когда соседка напротив, у которой муж был дальнобойщиком, жаловалась, что он опять уехал в поездку и она скучает без него, я смотрела на нее как на ненормальную. Мой бы куда-нибудь уехал, хоть ненадолго – я бы подпрыгнула до потолка, наслаждалась покоем в его отсутствие.

На следующий день было воскресенье, и я предвкушала выспаться. Но в 8 утра раздался звонок в калитку. Надо отметить, что в сельской местности рынок начинается в 6 утра, а часов в 11 уже заканчивается. Меня это всегда шокировало: пока выспишься, на рынке уже ничего нет, а в единственный выходной вставать в 6 утра и бежать на рынок я считала верхом идиотизма. Но у сельских жителей свои привычки, и только сейчас, по прошествии почти десяти лет и с приездом в наш район большого количества горожан, порядки стали меняться. Рынок сейчас работает до 3 часов дня, да и магазины круглосуточные появились. Словом, цивилизация потихоньку доходит и до нас, чему рады не только мы, но также наиболее продвинутое местное население.

Но вернемся к нашему рассказу: итак, в 8 утра раздался звонок. Я накинула халат поверх ночной рубашки и вышла.

У калитки стояли парень и девушка. Похоже, мой вид говорил красноречивее слов, что меня подняли с постели. Они извинились и сказали, что приехали из станицы на базар, и у них через пол часа обратный автобус, поэтому позже прийти они не могут, и попросили показать им свадебные платья. Я разрешила, только забежала домой на минутку переодеться и убрать постель из проходной комнаты, через которую люди будут заходить в прокат. Дети смотрели телевизор, муж тоже сидел с ними рядом. Увидев меня, прошипел:

– Что, завтрак скоро будет?

– Видишь, я с людьми занята, подожди.

Парень с девушкой зашли, долго мерили и выбирали, но так ничего и не выбрали. Такое случается сплошь и рядом, и это понимают все, но только не мой муж. Когда посетители ушли, он набросился на меня с криком:

– Что такое, выходной день, пожрать нечего, завтрака до обеда ждешь, никакого внимания семье.

– Но это же клиенты, они же пришли по делу. Я же не с подружками болтала, и не на гулянье была.

Но объяснять что-либо было абсолютно бесполезно. Сели завтракать, Василий отшвырнул в сторону тарелку с яичницей. Дети тихо, как мышки, шмыгнули на улицу, чтобы не попасть под горячую руку. Настроение на выходной день было безнадежно испорчено.

Я часто думала о том, что моя семейная жизнь становится просто невыносимой. Каждый день дома нахожусь как на ли-

нии фронта: обстреляют или пронесет? Сотрудницы, с которыми я вместе возвращалась с работы, говорили, что с приближением к дому у меня меняется выражение лица, и они не могут смотреть на мои тоскливые затравленные глаза. Я не знала, что мне делать. Я не могла доверить мужу деньги, потому что он, невзирая ни на что, тратил их по своему усмотрению. Например, я послала его на базар за мешком картошки на зиму, а он купил подводное ружье. Зачем в ноябре месяце подводное ружье, для подледного лова что ли, и как его использовать вместо картошки, я не знала. В результате я весь день проплакала, а потом стала просить водителя служебной машины заехать купить мешок картошки или лука. Дома опять скандал:

– Водитель – твой любовник, – орал этот ненормальный.

Или еще: если хозяин коммерческого ларька давал мне продукты в долг под зарплату, дома меня ждала очередная сцена у фонтана. Ничего не покупать, не занимать и не приносить я тоже не могла, ведь детей надо было кормить.

Куда уйти я не знала, в городе у меня не было никого из родственников. Уехать опять в Ташкент к маме, это значило сесть ей на шею вместе с детьми, а и там и с работой плохо, и все на узбекском.

Никогда не забуду лицо моей ташкентской соседки, которая была в Андижане во время погромов и видела, как безумная толпа крушит всех и вся на своем пути, не разбирая ни возраста, ни национальности. Когда она вспоминала

об этом, ее всю трясло, и она в кратчайшие сроки уехала с семьей в какую-то российскую деревню. После нашего отъезда в самом Ташкенте состоялась серия террористических актов. Сейчас там уже почти не осталось никого из моих друзей и знакомых. Россия, Германия, Америка, Канада, Израиль – где только нет сейчас моих земляков! Остались в Ташкенте или те, кто живет за гранью нищеты, или имеющие тяжело больных родственников, которых и оставить нельзя, и везти с собой невозможно. Люди рвутся из Ташкента любыми путями, вроде глупо ехать назад. Так все тянулось год за годом, а выхода никакого не было, становилось все хуже и хуже.

Работа со свадебными платьями потихоньку начала приносить доход. Все больше людей узнавали о нашем прокате, все больше приходили, несмотря на стойкое убеждение местных жителей, что платье, взятое в прокате, не принесет семейного счастья.

Много времени приходилось тратить на то, чтобы привести платье в порядок после свадьбы. Приносили их, бывало, и с оторванными подолами, и испачканными в мазуте, и прожженными сигаретами. О том, где была невеста в этом платье во время свадьбы, нам оставалось только гадать.

Приходилось отстирывать платья и отбеливать, на прожженные места пришивать цветочки или бусинки, менять поломанные молнии.

Во время свадебного сезона, с апреля по ноябрь (исключая только май, чтобы не маяться), платья у меня брали, тем

более что в нашем городе другого проката не было, и приходилось ехать за ними в Краснодар, а цены там на порядок выше. Но зимой, особенно с декабря по март, бывало, ничего не брали вообще, и это сразу негативно отражалось на нашем бюджете. Бывало несколько раз, что после свадьбы не возвращали вовремя платье, и тогда мы с подружкой шли сами искать этих людей по адресам.

Сильно осложняло мне жизнь наличие основной работы, на которой надо было находиться с утра до вечера, а люди приходили часто среди недели утром, и днем, потому что тем, кто далеко живет, вечером трудно добираться. Даже в нашем городе после 8 вечера перестают ходить маршрутки и автобусы, а в станицах транспортная проблема стоит еще острее. Приходя днем, посетители или никого не заставляли дома, или рисковали нарваться на моего мужа, которому они нарушали дневной сон, и он с руганью прогонял их прочь, или на кого-то из детей, которые не могли ничего толком объяснить. Бросить работу и заниматься прокатом я тоже не могла, потому что на основной работе была хоть не очень большая, но стабильная зарплата, и никакой финансовой подстраховки у меня не было.

Василий так и не работал. В последнее время он записался в казачество и часто ходил на всякие казачьи собрания и мероприятия. Толку от этого для семьи не было никакого, разве что отдых от его присутствия дома хотя бы на несколько часов. Скандалы по поводу и без повода продолжались, и не

ожидалось никаких перемен к лучшему. Поводом для скандала могло послужить что угодно: недосоленный суп, крики играющих детей под окном, отсутствие чистой тарелки или чистых носков. После таких вечерне-ночных разборок я вставала утром с больной головой, не хотела ни завтракать, ни пить чай, и только на работе, где приходилось полностью переключаться на производственные проблемы, я немного успокаивалась и приходила в себя, особенно когда девчонки, видя мое состояние, угощали чашечкой крепкого кофе.

Моя подруга Оля, конечно, заступалась за меня, как-то раз я даже у нее ночевала вместе с младшим сыном, и это очень не нравилось мужу, как и вообще сам факт нашей с ней дружбы. Он запретил Ольге приходить к нам домой, а когда она все-таки пришла в его отсутствие, то кинулся душить ее. Обращаться в милицию она не стала только из жалости ко мне, хотя я сейчас думаю, что может, и надо было. Мне порой казалось, что у него не все в порядке с головой, особенно пьяный он совершал абсолютно неадекватные поступки.

С Олей мы стали видеться тайно, я заходила к ней по дороге на работу или с работы, или она приходила ко мне на работу. Вскоре она продала свою хатку за бесценок, потому что в ней жить стало опасно – вот-вот потолок рухнет на голову, и уехала к своей маме в другой район, за 200 километров от нас. С ее отъездом исчез последний лучик надежды в моей беспросветной жизни. Так и не знала, что делать и на что решиться. Если бы хоть кто-нибудь позарился на моего

красавца Васю, была бы очень рада. Но желающих не находилось. Если мне всегда жизнь с ним медом не казалась, то сейчас стала вообще не выносима.

Но я знаю точно и всегда верю в то, что жизнь приносит нам неожиданные сюрпризы. Мой брат собрался уезжать жить в Канаду, и пригласил меня с младшим сыном приехать в Ташкент попрощаться с ним, полностью оплатив нам билеты на самолет. Только с Владиком, потому что ему по малолетству нужен был еще детский билет, а Егору уже взрослый. Мы поехали. Это было, конечно, не решение проблемы для меня, но хотя бы какая-то отсрочка, возможность отдохнуть и хотя бы две недели не видеть милого муженька. Свадебный сезон еще не начался, на работе мне дали отпуск, тем более что у меня были не использованы отпуска за два предыдущих года, и мы поехали.

Все родные сразу обратили внимание на мой потухший взгляд и отсутствие интереса к чему-либо. Друзья приглашали меня в гости, мама тащила на базар купить новый костюм, брат с женой показывали новые модели свадебных платьев, но мне ничего не хотелось и ничего не радовало.

Тогда даже моя мама, которая всегда говорила, что развод – это плохо, надо терпеть, и мальчикам нужен отец, теперь посоветовала бросить все и уходить на квартиру. Я сама думала об этом давно, но, кроме того, что квартиру трудно найти, нужно еще чем-то за нее платить, причем нужна предоплата сразу за несколько месяцев. Но и этот вопрос решил-

ся: брат подарил мне двести долларов на предоплату, тем более, что у меня был день рожденья как раз в период нахождения в Ташкенте.

Конечно, все это было только легко сказать. Выполнение этого плана требовало невероятных душевных сил. Мне пришлось столкнуться и с непониманием собственных детей, и с потоками лжи и клеветы в свой адрес, и с осуждением некоторых знакомых и соседей. Но все-таки это был шанс, реальный шанс изменить свою жизнь к лучшему, как операция для тяжело больного человека. Больно, тяжело, но без этого просто не выжить.

Вернувшись домой, спрятала деньги в надежное место и приступила к выполнению своего нелегкого плана. Я нашла съемную квартиру, которая устраивала меня по всем показателям: не далеко от центра, с ванной и горячей водой (как же я по всему этому соскучилась!), с телефоном, с мебелью. Во избежание обмана я заплатила предоплату хозяину в присутствии двух своих приятельниц и взяла с него расписку. Разумеется, это все происходило втайне от мужа. Был назначен день икс, я договорилась на работе с водителем служебной машины перевезти мой скромный скарб. Детям я сказала о том, что мы с ними уходим, заранее. Старшему было все равно, младший очень переживал, но оба меня не выдали.

И вот настало утро решающего дня. За два часа до приезда машины я сказала мужу, что ухожу от него. И, поскольку Василий часто вел себя неадекватно, то я ожидала любой

реакции: от потока слез до нападения на меня с топором. И на этот случай моя подруга сидела в кустах и наблюдала за домом. Но эффект неожиданности дал свой результат: он то ли не поверил до конца, что такое возможно, то ли просто не решил еще, как на это реагировать, но повернулся и ушел куда-то, а я стремительно начала собирать вещи. За час мы перевезли все вещи на новое место жительства. Я очень спешила, чтобы муж не успел вернуться и затеять расправу, поэтому забыла кое-какие вещи, которые после он отдать отказался. Особенно жалко было альбом с фотографиями детей.

На новом месте я чувствовала себя гораздо увереннее. В квартире была железная дверь, на окнах решетки, и телефон, по которому можно позвонить 02. Квартира была трехкомнатная: в одной комнате были сложены вещи хозяев, в другой я расставила свадебные платья для проката, а в третьей спали мы. Еще была большая кухня, на ней мы даже гостей потом принимали. На кухне стоял диван-малютка, на котором мы спали с Владиком зимой в особенно холодные дни. В большой комнате все тепло выдувало нашими шквальными ветрами, и было невыносимо холодно.

В первый день все было тихо. Реакция Василия последовала на другой день к вечеру. Адрес он узнал, наверно, от кого-то из детей, и вечером нарисовался. Упал на колени, целовал нательный крест и клялся, что все понял и никогда не повторит своих ошибок. Меня этими дешевыми эффектами было не пронять, но на детей они подействовали очень

сильно. Почувствовав, что симпатии детей склоняются в его пользу, он решил развить успех:

– Возвращайся хотя бы ради детей. Другие женщины ради детей все терпят, дети – это главное для нас, мы ради них живем.

– Нет уж, говорю. Хотя я детей тоже люблю, и именно ради них терпела столько лет все твои выходки, но им сейчас одному 15 лет, другому 11. Еще два-три года, и у них будет своя жизнь: они поедут учиться, уйдут в армию, женятся. А у меня жизнь тоже одна. И я не хочу, чтобы ты даже приближался ко мне. Я не буду судиться с тобой за твою великую хату – кучу глины, и можешь подавиться своими алиментами.

И я выразительно открыла перед ним входную дверь. Егор кинулся следом:

– Я пойду с папой!

Владик смотрел на меня исподлобья.

– Мама, почему ты не хочешь дать папе шанс?

Как мне было объяснить сыну, что все свои шансы он давно исчерпал?

Егор так и остался жить с отцом. Со мной он избегал всяких объяснений на эту тему, стал прогуливать школу, грубить учителям, несмотря на приближающиеся экзамены за 9 класс. На все мои расспросы, уговоры, попытки помочь ему в учебе, ответ был один:

– Вернись к папе, тогда я буду хорошо себя вести.

Это был откровенный шантаж. Я очень переживала за сына, мне было очень обидно, что после пятнадцати лет самоотверженной заботы он сделал выбор не в мою пользу, но на шантаж не поддавалась.

Я часто в то время, да и после, думала о неблагодарности детей. Сколько сил и души было отдано им! Когда старший сын в двухлетнем возрасте сильно болел, 20 дней ночевала в реанимации рядом с его кроваткой: дремала на стульях и вздрагивала при малейшем его движении. Сколько я выхаживала его после больницы, возила к частным врачам и делала уколы, готовила отдельно протертые супчики. И младший имеет серьезное врожденное заболевание сердца, с ним я тоже набегалась по больницам. За всем этим стоит терпеливый кропотливый труд, слезы и отчаянье бессонных ночей. А сколько было потрачено сил и нервов, когда сыновья учились читать и писать, сколько неприятных минут пережито в школе из-за их плохой учебы и неблагоприятных поступков! Сколько с ними прочитано книжек, сколько всего переговорено! Но никак не могу понять, почему ростки доброты и благодарности не дают всходов в их душах? Почему для них так притягателен образ тунеядца и скандалиста папочки? Или, может, это генетическая предрасположенность? В любом случае, для меня наступило прозрение: нельзя жить для детей. Надо думать о себе, о своих интересах и желаниях, о своей единственной неповторимой жизни. И, вытирая слезы, я поклялась себе никогда больше не жертвовать собой

ради кого-то.

Я хотела быть счастливой, и жизнь моя преобразилась. Я могла ходить куда хочу, и общаться с кем хочу. Вместе с Владиком я съездила к подруге Оле в гости в соседний район.

Мы ездили с детьми на Азовские лиманы, плескались в теплом море и загорали до черноты, ели сушеную таранку и смеялись из-за каждого пустяка. Потом я помогала Оле полоть в огороде траву, заодно мы болтали обо всем без лишних ушей. Владик с Наташкой носились на велосипедах по улице, распугивая гуляющих кур, и играли в прятки с деревенскими ребятами. А вечером мы все вместе сидели во дворе под навесом, слушая стрекот цикад и глядя в ночное небо, с низко висящими звездами. Такого неба никогда не увидишь в городе: кажется, протяни руку, и звезда окажется у тебя в ладони.

Даже денег у меня стало больше, несмотря на то, что приходилось платить за квартиру. Все постепенно налаживалось, Егор сдал все-таки экзамены за 9 класс, но после всех его художеств в десятый класс его не взяли.

Состоялось судебное заседание по поводу нашего развода. Через знакомых я попросила судью не давать нам сроков для раздумий, а сразу развести. Так и случилось, тем более, что мы уже не жили вместе.

Прокат свадебных платьев продолжал у нас работать по новому адресу.

Владик помогал мне, в свободное от школы время добро-

совестно сидел и ждал клиентов, показывал им платья, давал мерить, а потом звонил мне на работу, если они что-то выбирали, я по телефону объясняла им правила или договаривалась о том, когда им прийти, или они приезжали ко мне на работу, или оставляли задаток сыну. Конечно, мы потеряли часть клиентов из-за переезда, несмотря на то, что развесили везде вокруг дома вывески и указатели.

Конкуренция усиливалась, в соседнем районе открылся большой прокат платьев, и в нашем городе открылся еще один. Но люди все равно к нам шли, у нас были платья больших размеров для полных или беременных, чего не было в других прокатах и я подгоняла им платье по фигуре. Особенно часто нашими клиентами были небогатые люди из станций, были случаи даже, что часть суммы за прокат они возмещали нам продуктами. Я соглашалась и на это, к обоюдной радости обеих сторон.

Жизнь продолжалась, и я снова почувствовала ее красоту и неповторимость. Ко мне приходили в гости знакомые и сотрудницы с работы, несколько раз приезжала Оля. Мы с Владиком ездили в Анапу «дикарями» на четыре дня. В виду стесненности в средствах, нас поселили на кухне, где мы спали в раскладных креслах. Но нам были безразличны бытовые неудобства: мы безвылазно купались в море, лазили по горам, ходили на раскопки древнего города, которому больше двух тысяч лет, гуляли по ночной Анапе и разговаривали о жизни.

Возле дома, где мы снимали квартиру, был парк, самый старый в нашем городе. Аллеи его украшали столетние дубы, клены, ясени и мы часто с Владей сидели на скамеечке и ели мороженное, или он катался на качелях, а я сидела просто так, глядя на желтеющую листву, и думала о том, что совершенно напрасно мучилась столько лет и не каждый брак следует сохранять. Если бы я раньше решила на этот шаг, может быть, удалось избежать многих проблем с детьми, они бы меньше впитали в себя потребительское отношение к жизни своего папы, его наглость, и неуважение к людям. А сейчас я имею потраченные напрасно лучшие годы молодости, и детей, убежденных, что с моими желаниями и интересами можно не считаться, ведь мама нужна как обслуживающий персонал для их удобства. Чего стоила «коронная» фраза Василия, в ответ на просьбу убрать за собой посуду или чем-то помочь по дому: «А тебя я зачем держу в хозяйстве?». К счастью, я спохватилась не слишком поздно, и уверена: все лучшее у меня только начинается!

Каждое утро, идя на работу, я проходила по дубовой аллее, как через зеленый коридор. Зеленый, или желтый, шуршащий под ногами, или покрытый снежной пеленой, как в заколдованном царстве, он успокаивал меня, дарил прилив бодрости, и надежду на перемены к лучшему.

У меня были друзья, Рая и Антон, семейная пара, приехавшая из Братска с двумя детьми: 15-летней Настей и 5-летней Аней. В свое время я помогла им получить прописку

в нашем районе. Антона в Братске преследовали то кредиторы, то бывшие жены, да и экология там ужасная, и он решил сменить место жительства, но оказался настолько невезучим, что покупка дома пришлась у него как раз на август 1998 – всем известный «черный вторник», когда его доллары, переведенные в рубли по курсу Центробанка, на следующий день обесценились более чем в три раза. Поэтому покупка дома в городе стала невозможна, он еле-еле смог купить маленькую хатку в станице. Им, коренным горожанам, пришлось держать кур, уток и свиней, чтобы прокормиться. Антон с высшим образованием устроился скотником на ферму в колхоз. Я иногда приезжала к ним в станицу. Летом там было хорошо: во дворе мы собирали малину, вишню, сливу, яблоки и груши, сидели за столом в беседке, обвитой виноградом, и ходили купаться на речку. Но с наступлением осени все вокруг становилось серым, унылым и раскисшим от дождей, по улице можно было проехать только на тракторе, да и то с трудом, и даже поход в туалет во дворе требовал ловкости и сноровки и превращался в кросс по пересеченной местности.

Каждую весну всем колхозникам раздавали участки, на которых росла сахарная свекла, и обязывали ее полоть. После уборочной за это давали несколько мешков сахара. Антон с Раей уговорили меня помочь им с прополкой, пообещав, что без сахара меня не оставят. Сахар стоил дорого, сын любит варенье и чай с сахаром, и я согласилась.

И вот мы собираемся на поле. В 6 утра по улице проезжает колхозный автобус и собирает всех желающих на прополку. Владик остался за няньку с пятилетней Анечкой. Антон, Рая, их Настя и я сидим у обочины с тяпками. Я никогда до этого не держала в руках тяпку, и боюсь, что не отличу свеклу от сорняков, но меня обещают научить этой премудрости. Минут двадцать потряслись по деревенской дороге, и увидели перед собой бескрайнее поле. Наш участок – один гектар. Я никогда не знала, много это или мало. В ширину – двадцать грядок, но конец каждой грядки терялся где-то за горизонтом. Пока мне объясняли, как держать тяпку и как полоть, обитатели соседних участков ушли далеко вперед. Даже дети лет десяти-одиннадцати полости ловко и быстро. Похоже, что они рождаются с тяпками в руках.

– Эй вы, городские!, – кричал нам сосед слева., – Это вам не кнопочки нажимать на компьютере!

Я представила, как беспомощно выглядел бы он за компьютером, но от комментариев воздержалась и взялась за тяпку. Ярко светило солнце, несмотря на раннее утро, день обещал быть очень жарким. Через час работы я огляделась по сторонам: Антон, Рая и Настя опередили меня не намного, а край поля как был, так и остался за линией горизонта. Еще через пару часов я не могла разогнуть спину, и когда меня позвали завтракать, есть совсем не хотелось. Солнце припекало все сильнее, пот струился по лицу, на руках горели мозоли, и я проклинала себя за дурацкую идею – лучше

бы купила этот сахар. Мы дошли до середины поля, уже не видно было дороги – только одна бескрайняя свекла, море свеклы. У Антона остановились часы, и мы не знали, сколько осталось до приезда автобуса. Автобус обычно забирал людей в час, а потом в пять часов. Я опять склонилась над своей грядкой, и вдруг услышала Настин крик: «Автобус! Автобус приехал!». Мы кинулись бежать по грядке к автобусу, но ноги вязли в мягкой земле. Автобус быстро развернулся и уехал.

Мы повернулись и пошли обратно. Солнце палило просто беспощадно. Вода у нас кончилась. Соседей поблизости не было видно, чтобы попросить у них воды. Так мы работали еще пару часов, и когда я увидела на краю поля машину-водозовку, то подумала, что от жажды у меня начались галлюцинации. Мы попили и вернулись на поле. Наконец-то мы дошли до конца грядки, но мы все вместе за весь день пропололи только четыре грядки из двадцати!

Вечером у меня хватило сил только искупаться в летнем душе, где вода в бочке нагревалась от солнца, и дойти до кровати. Спину ломило со страшной силой.

За несколько дней мы пропололи все-таки весь участок. При виде тяпки меня до сих пор бьет нервная дрожь. Но самое интересно, что сахар мы так и не получили. Антон напился на работе и обматерил главного механика колхоза. За это его лишили премии и двух мешков сахара.

Мой сын, мудрый не по годам, посоветовал мне не рас-

страиваться из-за этого. «Хорошо, что не случилось чего-то похуже, мы все живы и здоровы» – уговаривал меня он. Владик не доставлял мне особых проблем ни своим поведением, ни успеваемостью в школе. С отцом он, конечно, общался, я не могла ему этого запретить, да и не видела в запретах никакого смысла.

Все в нашей жизни было здорово, за исключением одного: у нас не было своего жилья. Я обошла все банки, но про ипотечный кредит в нашей глуши никто не слышал. Обычного кредита на неотложные нужды, который можно было взять по размеру моей зарплаты, не хватило бы даже на собачью конуру. Я часто шла по улице и думала: вот добротный дом, вот ветхий, вот саманный, а у меня нет вообще никакого.

Проблема жилья меня очень волновала еще и потому, что хозяин, у которого мы снимали квартиру, через год начал ссориться со своей сожительницей, и она постоянно грозила его выгнать. У меня не было определенности, сколько мы еще сможем здесь прожить. В попытках найти другую квартиру, мы с подружкой Татьяной обошли все пятиэтажки в центре, но не смогли найти не только ничего подходящего, но даже вообще никакого.

Тут мне позвонил брат, который больше года жил в Торонто, и предложил прислать мне гостевое приглашение, чтобы я могла приехать к нему на полгода поработать, и, может быть, заработать себе на квартиру. Это был единственный реальный шанс, и я, конечно, за него ухватилась.

И вот я в Москве, стою возле канадского посольства. Возле калитки меня встречает огромная толпа. Чтобы зайти в посольство, надо записаться задолго до открытия. На календаре 2000 год. На другой день московские знакомые привезли меня к воротам посольства в 6 утра. Ура, я была в первой десятке. Но, простояв на улице минут сорок, поняла, что одета не по сезону: у нас на юге в марте уже тепло, а Москве лежит снег и мороз градусов 10. Вместе с другими товарищами по несчастью иду греться в ближайший подъезд жилого дома. Сразу всем телом прижимаюсь к батарее, только ноги в туфлях не знаю куда поставить. Сапоги я собой в Москву не взяла. Только чуть согрелась, как жильцы подъезда выгоняют нас обратно на улицу. На улице опять зуб на зуб не попадает, и мы, пристроившись следом за входящими в подъезд жителями, опять припадаем к вожделенной батарее. Так, в борьбе с холодом и жителями подъезда, незаметно наступает час открытия посольства. Охранник у ворот берет список, который вела очередь, и начинает запускать внутрь по 5 человек.

Через час внутри яблоку негде упасть: люди сдают документы, ждут интервью, оформляют иммиграционные и гостевые визы. Я в растерянности стою у стола с анкетой. Ничего нельзя понять, спросить некого, кроме таких же бедолаг-посетителей, работники посольства рывкают на всех и отсылают к образцам на стене.

Отстояв трехчасовую очередь в окошко для сдачи анкеты

и паспорта, я узнаю, что интервью для получения визы мне назначают только через три недели. Я обращаюсь к работнику в окошке:

– А нельзя ли поближе какую-нибудь дату, я не москвичка, живу за полторы тысячи километров. Что мне делать в Москве три недели?

– Это ваши проблемы, – отвечает мне работник посольства, – и вообще здесь все приезжие. Москвичи уже давно все в Канаде.

И захлопывает передо мной окошко.

Пришлось мне ехать домой, а через три недели опять в Москву.

Я совсем не знала ничего, как себя вести на интервью, какие документы показать, а какие нет, что сказать, а что нет, и сразу получила окончательный и бесповоротный отказ, и черный отказной штамп в паспорте.

Причиной для отказа стал мой статус незамужней женщины. Якобы я могу выйти замуж в Канаде и остаться там. Очень мне нужны какие-то мужья иностранные, от отечественного экземпляра еле избавилась. Но работники посольства почему-то не верили в отсутствие моего интереса к иностранным мужьям.

Я очень расстроилась и в поезде пол дороги проплакала. Вторую половину пути изобретала план действий. Во-первых, я сменю фамилию на свою девичью, и поменяю все паспорта. Тогда у меня не будет в паспорте отказного штампа.

Ну и если нужен брак, то сделаю фиктивный брак. А весной следующего года сделаю еще одну попытку.

Действительно, хорошо продуманный план – половина успеха. За два месяца я поменяла и гражданский, и заграничный паспорта, не без некоторых заминок, но все же успешно. Труднее было с фиктивным браком. Я договори-лась было с одним мужчиной, но он поморочил мне голову несколько месяцев, но так ничего и не сделал. Тогда я вспом-нила про Колю. Это был знакомый моего бывшего мужа, но после нашего развода все знакомые перестали с Василием общаться. Они считали его поведение по отношению ко мне непорядочным. А может, и еще почему-то с ним разругались.

Зная, что Коля живет с какой-то женщиной, но официаль-но в браке не состоит, я сначала отправилась к его родите-лям. Мою жизненную историю знали все знакомые, а также и незнакомые, и даже те, кого это и вовсе не касалось, поэтому долго объяснять ситуацию родителям Коли не пришлось. Я только попросила:

– Тетя Нина, дядя Саша, я не претендую на ваше имуще-ство, могу даже дать нотариальную расписку, что мне ничего вашего не надо. Мне нужен только штамп в паспорте о бра-ке, чтобы я смогла выехать за границу и заработать себе на квартиру. Правда, я еще не знаю, согласится ли Коля...

Тетя Нина решительно вышла вперед:

– Пойдем, Наташенька, я сама поговорю с ним. Пусть только попробует отказаться на тебе жениться!

И зашагала впереди меня по пыльной деревенской улице.

Колю не пришлось долго уговаривать, на другой день мы подали заявление в ЗАГС, еще через пару дней принесли ходатайство из военкомата, что он уезжает по контракту в Чечню, и через неделю наш брак был зарегистрирован. Еще через два дня мы с Владиком сели в московский поезд, и отправились в столицу за визой.

Только мы уехали, ко мне на работу явился первый претендент на руку и сердце. Созрел для заключения брака. Девчата на моей работе подняли его на смех:

– Она уже и замуж вышла, и в Москву уехала, а ты проснулся.... Опоздал ты, милый!

У сына были каникулы, и я решила взять его с собой, тем более, что при успешном завершении моего плана мы расстанемся надолго.

Глядя с верхней полки на мелькающие за окном березки, холмы и овраги, на степи, уходящие за горизонт, долго думала о том, что было бы, если бы я не решилась так круто изменить свою жизнь. Не кривя душой, могу сказать, что об этих переменах не жалею. Кто-то из мудрецов написал, что если в вашей жизни нет трудностей и испытаний, то купите их за большие деньги. Потому что преодоление трудностей учит людей мудрости и делает их сильнее. Наверно, в этой мысли есть рациональное зерно...

И вот мы на платформе Казанского вокзала. Только успев выйти из вагона, попадаем в людской поток. Нас толкают со

всех сторон, сумки оттягивают руки, я все время оглядываюсь по сторонам, боясь, что сын отстанет или потеряется. Вдруг кто-то тянет меня за сумку. Я только собралась дать отпор обидчикам, как вижу, что это Сергей, который приехал нас встречать.

В Москве живут наши очень близкие знакомые: Альбина Павловна – мамина ближайшая подруга и ее сын Сережа – крестник моей мамы. Они тоже бывшие ташкентцы: всех наших земляков перестройка разбросала по всему миру. Нас приняли очень хорошо, Владик сразу подружился с Сережинными детьми: дочкой Катей и маленьким Женечкой. Вместе с Катиним классом он ходил на экскурсии и в театры, пока я занималась визовыми проблемами. Дома у москвичей был караоке – очень редкая по тем временам вещь, и мы с детьми целыми днями распевали песни. Сережа дал мне следующий инструктаж:

– Отдохни, расслабься, ни о чем не думай. На интервью ты должна выглядеть беззаботной преуспевающей леди, если хочешь получить визу.

Интервью мне назначили через десять дней, и я следую Сережиному совету: хожу с детьми в дельфинарий, в Малый театр, и даже на концерт «Иванушек». Где мы только не были, сыну по приезду домой завидовали все одноклассники.

Между делом репетирую ответы на всякие каверзные вопросы. Сергей и Альбина Павловна по очереди изображают канадского консула.

И вот решающий день наступил. Захожу в кабинку, прохожу долгое и придирчивое интервью и получаю визу! Ура!

Влад наоборот расстроился и еле сдерживает слезы. Уговариваю, успокаиваю его, и при этом чуть сама не плачу. Все, в кармане у меня билет на рейс «Москва-Торонто», день вылета уже известен. Мы едем домой, чтобы уволиться с работы, освободить съемную квартиру, перевезти вещи на хранение к знакомым и уладить последние формальности.

Прокат свадебных платьев я на время передала для работы одной знакомой. Владик на время моего отсутствия будет жить у отца. Этому предшествовала долгая борьба: сначала я хотела отвезти ребенка к маме в Ташкент, но понимала, что это не лучший выход. Маму вызвать к нам было невозможно из-за отсутствия жилья и пенсии. К тому же, мальчик не захотел менять школу и привычное окружение, и я, учитывая его пожелание, сама позвонила бывшему мужу с просьбой забрать его. Этот разговор с ним был мне крайне неприятен, но я пересилила себя. Лучшего варианта для ребенка просто не было.

Глава 3. За длинным долларом в Канаду.

И вот опять Москва. Накануне вылета получаю инструктаж в доме наших московских друзей. Альбина Павловна и Сережа репетируют со мной встречу с канадским чиновником паспортного контроля, от которого зависит, на какой срок я получу визу. Хочется, чтобы на максимально возмож-

ный – 6 месяцев.

Альбина Павловна придирчиво осматривает мой наряд. Похоже, что результат осмотра ее удовлетворил, потому что критических замечаний не последовало. Зато, осмотрев мой багаж, она чуть не упала в обморок:

–

Наташа, девочка моя, с такой сумкой ты подойдешь к чиновнику? Это же не сумка, а мечта оккупанта, она уместна только в колхозе «Стальное вымя», а никак не в международном аэропорту Торонто.

На вопрос, где мне взять другую, она резво перетряхивает содержимое своего шкафа и торжественно вручает мне сумку:

–

Вот! Это Сережа мне привез из Дании. Все цивильно, и на колесиках. Нести не тяжело.

Я благодарю и начинаю перекладывать свои вещи в другую сумку.

Потом за дело принимается Сережа. Он репетирует со мной, что я скажу чиновнику паспортного контроля по-английски о цели моей поездки. Эта часть программы получается у меня не очень удачно, потому что моим знаниям английского более 20 лет, и они очень надежно спрятались в глубинах памяти, и очень неохотно эти глубины покидают. Сергей бьется со мной и так, и этак, но пока я запомню первую часть предложения, то уже забуду вторую.

Самое смешное, что на паспортном контроле со мной разговаривали полностью по-русски и, не глядя на мою сумку, шлепнули в паспорт штамп на 6 месяцев. Ну что ж! Никакие усилия не проходят даром! Лучше перестараться, чем наоборот.

И вот я иду по длинному коридору аэропорта в Торонто. Даже не верится, что я на канадской земле... Я очень люблю Россию, и никогда не представляла себя в эмиграции, тем более многие, находясь в России, представляют ее совершенно неправильно. К счастью, я не в эмиграции, у меня в кармане лежит обратный билет домой. И в самые тяжелые моменты моей канадской эпопеи я совершенно четко знала, что этот день обязательно настанет.

В аэропорту меня встречал брат и конечно, очень мне обрадовался. Он, в прошлом бизнесмен и имея высшее образование, работал здесь на стройке электриком. Брат долго расспрашивал меня про маму, про Москву, про общих знакомых.

Пока мы ехали из аэропорта, вид из окна машины меня разочаровал. Не было гигантских небоскребов, сияющих огнями, вокруг были только двухэтажные домики, как в каком-нибудь российском провинциальном городке, разве что вместо грядок с помидорами и картошкой были клумбы с цветами, и белье на веревках не сушилось. И, вместе с тем, все было какое-то чужое, незнакомое.

Мне до слез хотелось обратно домой, несмотря на то,

что умом я понимала, что прибыла не для удовольствия, а для выполнения важной миссии, которую надо выполнить успешно, во что бы то ни стало.

К моему удивлению, в Торонто издавалось несколько русских газет. В них я сразу и вцепилась, едва успев переступить порог, потому что именно по объявлениям в газетах мне предстояло найти работу. Естественно, разрешения на работу у меня не было, да его и не может быть у приезжающего по гостевой визе, но русские везде могут обойти любой закон, поэтому в Торонто процветает целая сеть русских кадровых агентств – посредников между работником и работодателем. В эти агентства звонят люди, ищущие работу, оставляют свои координаты, а агентства их трудоустраивают по мере поступления заявок от предприятий, причем это бывает достаточно быстро – в течение 1-2 дней, если особо не привередничать, а соглашаться на то, что предлагают. Я тут же обзвонила все агентства, и в тот же день мне предложили работу на пекарне в ночную смену. Я решила пойти туда, пока не найду чего-нибудь получше, и согласилась.

С дрожью в коленях переступила я вечером порог пекарни, на которой меня ожидали трудовые будни. В нос ударил запах прогорклого маргарина, корицы, и чего-то сладкого. В цехе было все как в тумане: в воздухе летали мельчайшие частички муки. Вокруг меня все двигалось, гудело, стучало, и мелькали какие-то фигуры в белом, похоже, работники предыдущей смены.

Всю дорогу от автобусной остановки я репетировала речь на английском, кто я такая и зачем пришла, но успела выдать из себя только первые три слова, после которых полный мужчина с густыми черными усами на чистейшем русском языке велел мне получить белый халат, шапочку, перчатки и фартук, идти в раздевалку, а затем подойти к бригадиру Любе. Я пошла искать раздевалку. Кругом было столько лестниц, коробок, каких-то бочек, туда-сюда бегали люди. Бригадир Люба встретила меня без восторга. Поставила возле ящика с нарезанными грецкими орехами и сквозь зубы сказала (на смеси русского с украинским), что продукцию, которая будет ехать по транспортеру, надо макать в орехи и отправлять дальше.

Смена началась, тарелки с тестом поехали мимо меня, увеличивая скорость. Я двумя руками хватаю две тарелки, плюх – в орехи, швырь – дальше на транспортер, хват – опять новые тарелки. Через два часа у меня перед глазами все плыло и качалось. Ненавистные тарелки с тестом казались ухмылялись: «Ну что, заработала доллары?» Тут объявили брейк – пятнадцатиминутный перерыв. Я толком не знала, куда идти и что делать, поэтому прямо в цехе села на перевернутый ящик из-под орехов и сидела, пока остальные не пришли на свои места. Порядки здесь такие, что нельзя опоздать ни на минуту. Никакие отговорки, что ходил в туалет, не принимаются. На завтра тебя просто не вызовут работать.

После перерыва мы начали выпускать другую продукцию. Какие-то печенья, а внутри повидло. Оно лилось на тесто из специального железного бака, который стоял высоко над конвейером. Каждые 2-3 минуты надо было брать целлофановый мешок с вареньем, весом килограмма четыре, разрезать его ножом и выливать содержимое в бак. С пола я не могла достать до бака, приходилось вставать на пластмассовую бочку. Когда я разрезала пакет, варенье брызгало в разные стороны, попадало на руки, мешок скользил в руках, держать тяжесть на вытянутых и поднятых руках было очень тяжело. Супервайзер стоял в стороне и наблюдал, как я с грацией бегемота лезу на бочку, трясущимися руками выдавливаю варенье и спрыгиваю вниз за новым мешком. Когда мои пируэты ему надоели, он подозвал вышеназванную Любу и сказал, чтобы она поставила на мое место кого-нибудь другого. Но та взбеленилась: «Еще чего за нежности! Пусть работает!» и отошла. Самвел (так звали супервайзера) не стал с ней спорить, а стал показывать мне как удобнее разрезать мешок, как вытирать руки, чтобы мешок не скользил и мне не пришлось выплясывать на бочке замысловатый танец. Прошел еще час. Казалось, что эта ночь никогда не кончится. У меня в голове не осталось никаких мыслей, только тело двигалось как автомат. Самвел опять подошел ко мне:

–Ну как? Получается?

Я на минуту остановилась и посмотрела на него:

–Да, все получается. За пазухой варенье, на голове варе-

нье, в ушах варенье.

Он рассмеялся, и сам переставил меня на другое место.

Окна на улицу в цехе были высоко под потолком. Всю смену они были черными, иногда в них заглядывала луна. А сейчас вдруг они стали прозрачно синими, значит – скоро утро!

К семи утра меня просто шатало от усталости. И вот я выхожу на улицу, где нет ни муки, ни маргарина, а есть свежее весеннее утро. И я думаю: как здорово, что есть солнышко, и ветерок, и птички, что все плохое и тяжелое всегда кончается, а утро наступает все равно!

Через несколько дней я познакомилась со всей русскоговорящей частью нашей смены. Первый вопрос: «Откуда ты?». Москва, Киев, Ереван, Бишкек, Баку, Алма-Ата, Рига – полный географический атлас бывшего СССР. Мне было очень интересно, что заставляет людей бросить все и уехать в другую страну. Я пережила переезд из Узбекистана в Россию, и то адаптация была непростая, но там хоть по-русски говорят...

Причины назывались разные, но главная – забота о будущем детей, об их образовании, о том, чтобы не служили в армии, экономическая стабильность, низкая преступность. Да, это все есть, но нет ощущения, что ты востребован как специалист, ведь убирать чужие квартиры или лепить булочки на конвейере, думаю, мечтали не многие. Много разочарованных, действительность сильно отличается от мечты. Думали – пересекут границу, и все проблемы останутся там. Но

проблемы, как правило, не в стране проживания, а в себе, а от себя не убежишь. Недооценивали роль языкового барьера – подумаешь, английский, взял да выучил. Недооценивали местный менталитет: все улыбаются, но никому нет дела до твоих проблем, даже ближайшим родственникам, живущим здесь давно. Единственная радость: вновь прибывшие, наши искренние и отзывчивые люди, не успевшие еще растерять «совковые» привычки. Пройдет несколько лет, и они пообтешутся, перестанут рассказывать друзьям о своих проблемах (да и друзей к тому времени не останется), перестанут посылать деньги престарелым родителям (пусть экономят), в отпуск вместо России поедут в Мексику или на Кубу, купят свой дом в кредит на 20 лет, а в редкие выходные (за дом, машину и остальную красивую жизнь надо выплачивать кредиты) будут жарить барбекю на лужайке возле дома. Но это будет еще не скоро, а пока гремит конвейер, в воздухе носится мука, а на часах 3 часа ночи. До рассвета еще далеко.

Придя на пекарню, мы услышали неприятную новость: нашу линию останавливают на примерно на 2 недели – нет заказов. Собрали у всех номера телефонов, как будет работа – вызовут. Ну а пока что делать-то? Опять села обзванивать агентства. Как назло, работы нигде не было. Я уже обзванивала все агентства по три раза в день: утренний обзвон, дневной и вечерний. Наконец, когда всех начало трясти при звуках моего голоса, мне предложили работу на швейной фабрике. Правда, это очень, ну просто немыслимо далеко: 3 часа

добираться в один конец. Но, поскольку выбора не было, я согласилась.

На швейной фабрике шили школьную форму для католических школ. Вообще в Канаде есть обычные школы, там никакой формы в помине нет, хоть в бикини приходи (и приходят ведь!) и католические. В католических школах девочки, как правило, ходят в юбках и блузках, мальчики в костюмах, и вообще там как-то больше порядка. Поэтому многие даже не особенно религиозные родители отдают туда детей, справедливо считая, что вреда не будет, если ребенок лишний раз почитает молитвы. Каждая католическая школа носит имя какого-нибудь святого, а то и сразу двух, и имеет свою эмблему. Эти эмблемы обязательно вышивают на школьной форме, и этим тоже занимались на швейной фабрике, при помощи специальных машин, управляемых компьютером. В нашу обязанность входило не шить и не вышивать, а обрезать нитки у вышитых эмблем, складывать рубашки по размерам, упаковывать их в пакетики, специальным пистолетом пристреливать ярлычки.

Сначала нас, человек 10 русских, набрали на 3 дня на какой-то аврал, потом распределили на 2 смены и оставили пока работать. Вообще позиция работодателей меня всегда удивляла: ты никогда не знаешь, как долго ты будешь работать на этом месте. Может полгода, а может два дня. И о том, что на завтра в твоих услугах не нуждаются, ты узнаешь не раньше, чем кончится твой последний рабочий день.

Я попала во вторую смену, и очень расстроилась: мне было бы удобней в первую. Но приказы не обсуждаются, особенно там, где начальство англо-говорящее. А там был как раз такой случай.

Фабрика была шикарная: там была такая столовая для рабочих, как российский ресторан средней руки. Столики в кабинках, рояль, и почему-то статуя индейца с перьями. Мне так хотелось сфотографироваться возле этого индейца, но это было еще до того, как мне подарили фотоаппарат.

Девчата в моей смене попались тоже хорошие. У нас была бригадир – высокая полная Ирина, она с семьей приехала из Питера. Выехать сразу вчетвером, с мужем и детьми, удастся далеко не каждому, это редкая удача, но они были в Питере какими-то довольно крупными предпринимателями, и у них начались неприятности в бизнесе, так что надо было быстро оттуда линять. Дети Ирины тоже работали на нашей фабрике. Сын восемнадцати лет и дочка пятнадцати. Сын в Торонто поступил в университет, но поскольку они еще беженцы и не имеют легального статуса, обучение у него только на платной основе. Вот они всей семьей и зарабатывали ему на учебу.

Работа наша заключалась в том, что на длинные столы, стоящие в цехе, вываливали гору рубашек после вышивальной машины. А мы брали по одной, обрезали нитки, складывали в стопочки по размерам. При этом не разрешалось облакачиваться на стол локтями, разговаривать с рядом сто-

ящими, (сразу получаешь замечание, и тебя переставляют на другое место – подальше от собеседника). Но мы не были бы россиянами, если бы не пытались обойти любые запреты.

В нашей смене была еще Вера из Минска. Она и питерская Ирина были страстными любительницами книг, и на этой почве я с ними подружилась. Самое лучшее материальное положение было у Веры: она дольше всех нас жила в стране и имела легальный статус. Ее работа на нашей и тому подобных фабриках была вызвана ее незнанием английского и нежеланием его учить. Она часто покупала книги в русских книжных магазинах, а после нее по очереди читали мы с Ириной и ее дочкой. Так я прочитала «Путешествие оптимистки» и «Полоса везения» Екатерины Вильмонт. А во обеденный перерыв мы устраивали литературные диспуты, во время которых спорили так, что наше пакистано-турецкое начальство прибегало посмотреть, в чем дело, не пора ли нас разнимать.

Я вообще обожаю читать, а в чужой стране где все везде написано по– английски, и надо еще поломать голову, чтобы понять смысл написанного....Чаще всего мне приходилось читать в транспорте. Села я метро, открыла книжку, и думаю – мне нужна конечная станция, не проеду. Какое там! Читаю я, читаю, и вдруг понимаю, что слишком долго я почему-то еду. Но в Торонто пассажиров не выгоняют из вагона на конечной станции, а поезд тут же идет обратно, вот я и каталась туда-сюда по линии метро. Опоздала на работу на пол-часа,

девчонки уже забеспокоились, не случилось ли чего со мной, а супервайзер Ахмет долго возмущался по-английски, хорошо, что я почти ничего не поняла из его пламенной речи.

Целый месяц проработала я на швейной фабрике. Могу перечислить наизусть названия всех католических школ Торонто и название всех станций метро на западной ветке. Знаю, что Ирина семья выиграла процесс и получила легальный статус. Знаю, что у Веры дочка вышла замуж, и скоро ожидают внука. Знаю, что хороших людей на свете гораздо больше, и всем им обязательно повезет. Да будет так! Так оно и есть.

Я почти совсем освоилась в незнакомой стране. Купила проездной на автобус, пыталась читать местные газеты на английском. Правда, чаще всего засыпала сразу после второй строчки. Подстриженные лужайки перестали вызывать у меня глухое раздражение и тоску по Родине, появился свой круг общения и свои привычки и традиции. Например, в конце рабочей недели я с кем-нибудь из подруг, а иногда и одна, заходила в кафе выпить чашку кофе и съесть пирожное. Я решила попробовать все сорта пирожных, какие там продавались.

И вот наступил день, когда я оценила все преимущества работы в ночную смену. Это случилось тогда, когда я, подсчитав деньги, заработанные в течение месяца, поняла, что таким темпом я не заработаю на квартиру за время, отведенное мне визой. Значит, надо искать еще одну работу, днем.

После длительного просмотра объявлений я остановилась на продаже мороженого с велосипеда. Правда, можно целый день прокататься по жаре, и ничего не заработать. Но я положила на свою удачу и решила рискнуть.

У всех продавцов были свои территории, меня же поставили «куда бог пошлет», а именно к культурному центру афроканадцев, где у них намечался какой-то праздник под звуки бубнов и еще чего-то специфического. Я со своей велосипедной тележкой сунулась было туда, но охрана вежливо, но твердо отстранила меня от входа. Правда, кроме «сори» я ничего не поняла из их объяснений. Но они же не знали, что российские женщины так просто не сдаются! Площадка с празднующим народом была огорожена невысоким заборчиком, таким, как штакетник в моем родном городе. Я не спеша пошла с тележкой вдоль заборчика. Охрана покосилась подозрительно, но это ведь не запрещено. Отойдя на всякий случай подальше от их бдительного взгляда, я начала торговлю, передавая мороженое через забор, и тем же путем получая деньги. Празднующие массы гроздьями висели на заборе. Языковая проблема меня не очень волновала: названия числительных по-английски я знала хорошо еще со школьных лет, названия сортов мороженого написаны были на тележке, а на все посторонние вопросы, касающиеся меня лично, я отвечала, что ничего не знаю, по-английски не говорю, и вдогонку добавляла: «Москоу, Кремль, Путин». Этот метод действовал безотказно, на меня смотрели, выпу-

чив глаза, и отходили в сторону.

Через час мороженого у меня в тележке не осталось, и я стала думать, что же делать дальше, ведь рабочий день мой еще не кончился. Можно позвонить шефу, чтобы он привез мороженое, но вот только откуда позвонить. Телефонов-автоматов в Торонто достаточно много, но возле этого моего забора они почему-то отсутствовали, мобильника в те времена у меня не было и в помине, оставалось только попросить телефон у кого-нибудь и надеяться, что меня не очень далеко пошлют. И вдруг я увидела, что ко мне приближается полицейский, и на поясе у него долгожданный мобильный телефон. Долго я объясняла на своем великолепном английском, куда мне надо звонить и зачем, в результате он сам набрал мне номер, потому что я смотрела на телефон как мартышка из известной басни на очки.

А веселье за забором все больше набирало силу. Зажигательные танцы под барабаны сменились не менее зажигательной дракой. Кусок забора затрещал и упал на землю. Не сдерживаемая забором толпа пронеслась мимо меня. Тут как раз шеф привез мне мороженое. Оказывается, он долго не мог определить мою дислокацию, очень она отличалась от той, где он меня оставил. Мороженое раскупали так, что я не успевала его положить в тележку. Тот полицейский с телефоном теперь уже не отходил от меня, видимо чего-то опасался, а я была этому рада. Время от времени он интересовался, все ли у меня О`кей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.